

Слово о театре

Сколько ему лет? И сосчитать трудно. Театр — одно из древнейших искусств человечества. Более двух тысячелетий тому назад люди создали ряд шедевров драматического искусства, которые до сих пор еще живут на сцене. Трагедия Софокла и Эсхила и сейчас потрясают людей, комедия Аристофана и в наши дни высмеивают и обличают людские пороки. Нет ни одного народа в мире, который не имел бы своего театра.

В нашей стране театр стал подлинно народным и прочно вошел в быт советских людей. Так же, как школа, как библиотека и музей, он занимает большое место в духовной жизни человека...

ПОПРОБУЙТЕ вмешаться в толпу зрителей, выходящих из театра после спектакля, и прислушаться к их отзывам о только что прошедшем представлении. Вы наверняка не найдете полного единодушия среди них. Одни будут хвалить, а другие станут ругать виденное. При этом и ругать, и хвалить каждый зритель будет по-своему, каждый будет отмечать разные достоинства или недостатки в том, что ему сегодня показали на сцене. Стало быть, воздействие театрального искусства на зрителей чрезвычайно субъективно и зависит не только от своеобразия спектакля, но и от индивидуальности зрителя. Сила театральных впечатлений зависит и от психологии зрителя, и от их душевного склада, и, конечно же, от их вкусов, от их эстетических воззрений и потребностей. Поэтому каждый художник привлекает к себе определенный круг почитателей и приверженцев, так как именно искусство этого художника отвечает вкусу данной группы людей.

Попытайтесь один и тот же вопрос «Что такое театр?» задать разным людям, и вы получите совершенно различные ответы. Любители театра оперетты или музыкальной комедии скажут: «Это место, где я могу развлечься, весело провести вечер». От некоторых зарубежных театралов можно услышать и такой отзыв: «Это место, где я могу забыть о досадных мелочах повседневной жизни, о ее скучном быте. Здесь я переношусь в прекрасный мир снов, несбыточные фантазии отвлекают меня от мыслей о моем сером и скучном существовании». Буржуазный художник сцены скажет: «Театр — это площадка, на которой я демонстрирую свое мастерство пластинки, динки, где я могу блеснуть перед зри-

Борис ЧИРКОВ,
Народный артист СССР

телями своим темпераментом». Большинство советских театральных деятелей ответит на этот вопрос так: «Театр — это школа зрителей, это воспитатель их чувств, их вкуса». И каждый из отвечающих приведет аргументы и доводы в защиту своей точки зрения.

Чем сильнее характер и ярче индивидуальность художника, тем с большей настойчивостью проводит он в жизнь свои взгляды, тем последовательнее в его творчестве отражается его мировоззрение. Поэтому и мы, работники советского театра, не только в своих спектаклях стараемся утверждать свои взгляды, не только в нашей творческой работе следуем по пути, который указывает нам наше мировоззрение, но мы и в теории искусства, в спорах и в дискуссиях о театре отстаиваем наши позиции, пытаемся убедить всех, не согласных с нами. Такова уж природа искусства, ведь оно затрагивает не только разум, но и обязательно воздействует на наши эмоции, на чувства, и поэтому и в практику, и в теорию искусства, во всю деятельность художников всегда так много вкладывается темперамента, так часто и так бурно разыгрываются страсти. Художник не может быть хладнокровным и равнодушным уже по самой природе искусства.

КАКОВЫ же позиции и убеждения деятелей советского театра? Они заключаются в том, что театр рассматривается ими как средство воздействия на ум и сердце зрителей, как средство воспитания в людях хороших качеств и свойств характера. Театр — активное, наглядное, непосредственное орудие пропаганды идей, на которых построено существование нашего советского социалистического общества. Значение театра мы видим в развитии и укреплении в людях гуманных чувств, высоких идеалов человечества.

От уровня мастерства актеров и режиссеров, от художественности их творчества зависит и степень убедительности зрителей в тех мыслях и чувствах, которые заложены в данном спектакле. Каждый театр и каждый актер стремятся к этому по-своему, и для искусства это единственно верный путь. Если в техни-

ке, в промышленности идеалом является наибольшее сходство между собой машин одного типа, наибольшая точность в изготовлении механизмов одной марки или одной модели, то в искусстве наоборот, стандартизация проявления мыслей и чувств героев произведения — самый крупный недостаток творчества. Это штампы, который не только не улучшает качество произведения, а наоборот, убивает в нем художественность, а значит, и уничтожает воздействие его на зрителей.

Создания искусства, даже преследуя одну и ту же цель, должны быть различными, отражая не только своеобразные жизненные явления, но также особенности душевных и физических свойств художника. Иначе говоря: яркая индивидуальность, определенная манера художника — это одно из необходимых качеств истинного произведения искусства. В том, что Московский театр имени Вл. Маяковского не похож на Театр имени Евг. Вахтангова или на Ленинградский театр имени М. Горького, мы видим не порочность, а достоинство этих коллективов. Творческое лицо театров проявляется не только в том, что их внимание привлекают разные стороны человеческой жизни и деятельности, а также и в том, каким приемом, в какой форме эти жизненные явления воплощаются на сцене.

Если моторы «Москвичей» одной и той же модели будут разными у меня и у моего знакомого, то один из нас будет вправе предъявить претензии заводу, выпустившему эти машины. Но если одна и та же пьеса — классическая или современная — интересно, но по-разному будет истолкована и поставлена двумя какими-нибудь театрами, то мы станем только радоваться тому, что оба эти театра имеют свою индивидуальность и действительно являются художественными театрами, хотя и не носят этого имени.

ЧЕМ же могут отличаться две постановки одной и той же пьесы друг от друга? Прежде всего ее трактовкой, истолкованием идеи, которая заложена в основе пьесы. Затем, конечно, формой сценического воплощения событий, изложенных в пьесе, и своеобразной обрисовкой характеров действующих лиц. Ведь драматургическое произведение дает лишь основу будущих

представления, но конкретизация поведения действующих лиц, внешний их вид, манера поведения, глубина переживаний, сила темперамента, человеческое обаяние — все эти элементы будущего спектакля воссоздает сам театр, то есть тот коллектив его творческих работников, который трудится над постановкой пьесы. Вот здесь-то и проявляются и индивидуальность театра, и эстетические вкусы его коллектива, и его одаренность.

Ситуация пьесы и спектакля только тогда может воздействовать на зрителя, когда она выглядит не как обезличенное явление вообще, а как некий конкретный случай, происшедший в некоем определенном месте и с определенными людьми. Только в этом случае судьба действующих в спектакле лиц будет интересна аудитории, их переживания вызовут сочувствие зрительного зала. Тогда они смогут заразить зрителей определенным настроением, внушить им какую-то идею, повлиять на них своим примером.

В каком бы театре ни работал актер, основой его творчества обязательно является знание жизни, людей, проникновение в их психологию, близкое знакомство с разными человеческими судьбами. Чем шире круг жизненных наблюдений актера или режиссера, чем богаче его жизненный опыт, тем богаче и разнообразнее палитра этого деятеля театра, тем убедительнее его сценические образы, ибо они каждый раз наделяются живыми, конкретными чертами. И в этом заключены сила и преимущество реалистического театра над театром условным. В распоряжении реалистического театра вместо ограниченного набора надуманных театральных штампов имеется безграничное разнообразие самой жизни, из которой и черпают художники театра — драматурги, актеры, режиссеры — бесконечные варианты человеческих отношений, их судеб, их характеров.

Перед началом представления театр разделен на две половины. Но стоит только раздвинуться занавесу и героям представления начать свою сценическую жизнь, правдивую и убедительную, как внезапно происходит чудесное превращение. Театр заворачивает людей, притягивает к себе, покоряет. В среде зрителей вдруг возникает горячее сочувствие к судьбам людей, живущих там, за рампою сцены. Теперь две разные половины театра объединяются в единое целое, спаянное одними мыслями и общими переживаниями. И вот люди проливают слезы, не стесняясь друг друга, заливаются дружным смехом, все вместе радуются или огорчаются судьбами героев.

ЭТО чудо театра происходит потому, что создателями и как бы участниками спектакля являются и зрители, которые заполняют театр по вечерам. Ведь спектакль существует лишь тогда, когда его смотрят зрители. Если актеры воздействуют на свою аудиторию, то и коллектив зрителей, в свою очередь, влияет на актеров, корректирует их творчество, поощряет или порицает их работу. Каждый актер ощущает это участие зрителей в представлении, чувствует их помощь. В своих выступлениях в театре я также всегда опираюсь на реакцию зрителей, на их активное вмешательство в действие пьесы, в ту театральную жизнь, которой мы, актеры, живем на сцене.

Много лет прошло с той поры, а я все еще хорошо помню, как однажды зрители спасли мне роль. Было это в первый год моей работы в театре. Мне поручили играть Тиль Уленшпигеля в инсценировке знаменитого одноименного романа. Репетировал я очень старательно, но у меня, как у начинающего актера, не было еще уверенности, смелости, свободы поведения.

Эти недостатки мне так и не удалось устранить за все время репетиций. И вот стою я за кулисами, ожидая своего выхода на сцену. Спектакль уже начался и с каждой репликой действующих лиц все ближе и ближе мой выход, а у меня душа окончательно ушла в пятки. Наконец мой старший, опытный партнер вытолкнул меня на сцену. Яркий свет ослепил меня, и я прижался спиной к фанерной стене соседнего театрального дома. На сцене монахи-инквизиторы тащили на костер своего очередную жертву. Я, Тиль Уленшпигель, должен был освободить этого несчастного человека, но у меня не было сил двинуться с места. Монахи, дойдя до конца сцены, зло посмотрели на меня и, не дождавшись моих слов, поволокли осужденного обратно, на другую сторону декорации. Судорожно вспоминая все, что мне следовало делать в этой сцене, я закрыл, чтобы остановить этих людей. Актеры-монахи с недоумением уставились на меня. Тогда, в полном отчаянии, помня только, что мне нужно спасти течение спектакля, я ринулся на монахов, молча растолкал их и стал вырывать из их рук узника. Мои партнеры, увидев, что я в невменяемом состоянии и что надо как-то выходить из положения, сделали вид, что страшно напуганы внезапным нападением, и ринулись со сцены. Я остался вдвоем со «спасенным» мною человеком... В отчаянии, что не могу вести диалог, я махнул рукой, показывая, что он должен бежать, спасая свою жизнь. Сообразив, что со мною происходит что-то неладное, мой товарищ ки-

нулся мне на шею. Благодарно обняв меня, он в то же время шептал мне на ухо:

— Успокойся, успокойся, пожалуйста... Возьми себя в руки... Что с тобой? И вдруг в эту минуту раздался дружный аплодисменты зрителей. Кому? — Тебе, — шептал мой партнер, — тебе... Видишь, все хорошо... Они все поняли... Им понравилась эта сцена. Начиная наш разговор!

У меня как камень с души свалился. Оказалось, что в партере, в той большой черной яме, сидят не враги, а мои друзья, единомышленники мои и моего Тиль Уленшпигеля... Голос вернулся ко мне, и я заговорил. Товарищ подхватил реплику, и действие благополучно пошло дальше. Эпизод покатился за эпизодом, и, чувствуя симпатию зрительного зала, мой Тиль становился все смелее, все свободнее и увереннее. Спектакль окончился с успехом, и потом роль Уленшпигеля стала любимой моей работой в театре, доставлявшей мне много радостей... Вообще от внимания зрителей, от того, как они воспринимают происходящее на сцене, во многом зависит самочувствие актера, его вдохновение.

ПОМНЮ я, как однажды, во время войны, целый эшелон бойцов, схавших на передовые позиции, слушал мое выступление. Это было на одной из железнодорожных станций. Я взобрался на лафет орудия, стоявшего на открытой платформе, а слушатели окружили меня со всех сторон — уселись на крышах вагонов, у моих ног, стояли на земле, между составами. Читая отрывки из спектаклей и кинофильмов, я должен был все время поворачиваться вокруг, чтобы дать услышать себя всей аудитории. По соседним путям маневрировали поезда. Со всех сторон неслась гудки паровозов, лязганье железа, но меня так глубоко тронуло благодарное внимание слушателей, что, мобилизовав все свои духовные и физические силы, я старался как можно лучше и выразительнее донести до слушателей текст, раскрыть образы моих героев. И это мне удалось, потому что я чувствовал близость, необходимую душевность зрителей.

Чуткая, отзывчивая аудитория подымает, улучшает представление, равнодушная — расхолаживает и снижает творческие усилия создателей спектакля. Зрители, как и актеры, бывают талантливые, темпераментные, обладающие высоким вкусом, и бывают инертные, скучные. Дело развития театра и взаимовоспитания деятелей театра и зрителей состоит в том воздействии, которое оказывают друг на друга обе эти половины театра.

21 ОКТ 1959